

Моєму отцю

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Джеки» — это роман, художественное произведение, на создание которого меня вдохновила биография Жаклин Кеннеди-Онассис. Это история женщины, хорошо известной широкой публике, но в действительности довольно замкнутой, очень умной и тонко чувствующей. Кроме того, это история о любви, о непростом браке и о потере себя вследствие чудовищного акта насилия. Любимая женщина, мать, жена — Джеки смирилась с трудностями, связанными с необходимостью постоянно находиться под неусыпным общественным вниманием. Она научилась использовать ресурсы власть имущих, окружавших ее, и в итоге смогла явить миру свое подлинное «я» как яркая, творческая, артистичная личность, а выпавшая на ее долю слава лишь подчеркнула ее таланты.

Эдгар Лоренс Доктороу однажды сказал: «Историк расскажет вам о событиях, а писатель — о чувствах». В романе «Джеки» мне как раз хотелось исследовать связь между фактами и сопутствующими им переживаниями. Я пытаюсь понять, что случилось с героиней, как мир на это отреагировал и как это восприняла она сама.

История Джеки заинтересовала меня после того, как я увидела одну фотографию. Это не очень известный снимок, но меня он поразил. Черно-белое изображение Джеки и Джека*

---

* Джек (англ. Jack) — прозвище Джона Ф. Кеннеди, которое он получил еще в детстве и использовал на протяжении всей жизни. — *Здесь и далее примечания переводчика.*

в аэропорту летом 1957 года. Ветер колышет юбку Джеки, она стоит спиной к камере, на ее шее тройная нить жемчуга. Они с Джеком в проеме двери. Он наклонился к жене, вероятно, чтобы сказать что-то или поцеловать на прощание. Восхитительное фото — в нем удалось передать удивительно интимную интонацию общения двух молодых людей. Совершенно очевидно, что они не знают, что их снимают. Схвачен тонкий момент, что-то очень личное: небольшое напряжение фигур, строгая сдержанность, с трудом обузданный чувственный порыв, легкая недосказанность, уязвимость, нежность. Я увидела здесь трогательную, бьющую в самое сердце красоту расставания. Вероятно, Джек улетает по делам избирательной кампании. А Джеки к тому времени уже беременна Кэролайн. Я долго рассматривала эту фотографию, и она просто обожгла мне душу. Следующие несколько дней я писала тексты по мотивам полученных впечатлений. Это были письма от лица Джека и Джеки. В моем романе герои вспоминают об этом снимке спустя годы, и для каждого из них он значим по-своему.

Кем была Джеки? Кем были Джек и Джеки вместе, прежде чем стали легендой? Поначалу это просто молодые люди, еще мало кому известные, недавно поженившиеся, радующиеся жизни и преодолевающие трудности, как это бывает в любой непростой любовной истории. Что это были за люди? Какой была Жаклин?

Я распечатала тот снимок. Темные силуэты, сблизившиеся лица на фоне яркой белизны неба. Хрупкость робкой близости стала основой романа. Но прежде чем начать его писать, я исследовала тему долгие годы. Эта история казалась слишком необъятной, а ее внешняя канва — слишком публичной. Уже и так очень много о ней написано. Но чем глубже я погружалась в нее, тем больше понимала, насколько неполно наше представление о Джеки. Дорис Кернс Гудвин, знавшая

мою героиню, однажды сказала: «Есть какая-то культурная связь между ней и эпохой, в которой она жила...» Для меня это утверждение стало ключевым. Мне кружило голову предвкушение, что в своей книге я смогу развить мысль Гудвин.

Я прочитала много, очень много книг о Джеки, Джоне, Бобби Кеннеди и других исторических фигурах, которые упоминаются в моем романе. Список того, что оказалось особенно полезным, приведен в разделе «Источники» в конце. Также я изучила бесчисленное количество журнальных и газетных статей. Я читала письма и работала в Президентской библиотеке Джона Ф. Кеннеди. Ездилa по тем местам, где бывала Джеки, читала стихи, которые она любила. Обращала внимание на рассказы Кэролайн и Джона Кеннеди-младшего о том, как горячо их мать любила литературу. В предисловии к сборнику стихотворений, которые я читала своим сыновьям много лет назад, Кэролайн рассказывала о том, что унаследовала от матери любовь к поэзии и филологии в целом. Такая любовь породила в ней желание привить то же чувство детям «не только ради удовольствия, но чтобы они могли воспользоваться великой силой — черпать идеи и оттачивать навык их выражения». Я запомнила эти слова. Они говорят не только о самой Джеки, но и о тех убеждениях, которые она передала своим потомкам.

Рассматривая фотографии, в том числе и широко известные (Джеки и Джек на парусной яхте еще до свадьбы; Джеки держит на руках маленькую Кэролайн, тянущую в рот материнскую нитку жемчуга; Джеки в узком белом платье что-то шепчет Джеку в коридоре Белого дома; Джеки и Бобби через несколько лет после того, как Джека убили; Джеки едет на велосипеде в городке Аквинна, штат Массачусетс), — я начала задумываться не о том, что на снимке, а о том, что происходило непосредственно перед тем, как он был сделан, а также сразу после него. Я стала искать фотографии, где моя

героиня не замечает камеру, не знает о ней. Например, вот она качает дочку на волне в море или стоит на коленях рядом с сыном спиной к фотографу, а вертолет с Джеком на борту взлетает с лужайки. В этих бесхитростных изображениях есть какая-то особенная, трогательная простота и искренность. Что она думала, что чувствовала в эти моменты? Ее личность была многогранной: что-то она открывала сама, что-то проецировали на нее. Джеки, Джекс, Жаклин, мисс Бувье, миссис Кеннеди, миссис Онассис, Джеки О.

Я остро ощущала, что во всем прочитанном и просмотренном не хватает чего-то человеческого, недостает какого-то волшебства. Мне стало любопытно, как в Джеки уживались очевидные противоречия: сила интуиции и холодный ум, а временами и точный расчет; уязвимость, открытость, эмпатия, теплота и жажда одиночества и даруемой им свободы; твердая воля, упорство, страсть к литературе, новым открытиям, искусству, архитектуре, истории; мощь и широта ее интеллекта; ее хрупкость, страхи и реакция на горе. И сложные отношения с властью и людьми на ее вершине.

Почти сразу мне стало ясно, что любовь к детям и материнство были основными свойствами ее характера, так же как и стремление наладить — планомерно, но в рамках возможностей — относительно нормальную жизнь Кэролайн и Джона. Она воспитывала в них интерес к миру и чувство ответственности. Я замечала это не только в том, что она говорила о детях, но и в их воспоминаниях и в их заботе о ней по мере ее старения. Меня поражало ее желание узнавать новое, наблюдать, учиться; ее вера в силу искусства и литературы. Все это, по ее мнению, могло менять общество. Я понимала: если хочу писать о Джеки, мне следует хорошо изучить исторические источники и документы, а затем оставить их в стороне — все! — чтобы подать эту историю по-новому, чтобы передать все движения души молодой талантливой

женщины, любящей, строящей семью, а затем переживающей неожиданную трагедию и тяжелую утрату. Вот она горюет, а вот — восстает из пепла, чтобы продолжать династию, снова жить полной жизнью, любить, трудиться, расти, расцветать, двигаться к цели, рисковать, ошибаться — иногда на глазах у всех. Меня заворожила эта история и возможность рассказать ее с точки зрения разных участников, передав подлинные эмоции и психологическую правду.

Мое внимание привлекло умение Джеки ввернуть острое словцо. Ее живой ум и способность шутить или даже язвить не были для меня неожиданностью, а вот ее страстность, искренность, человечность и удивительно прочная связь между нею и Джеком стали открытием. Пристально рассматривая их неофициальные фотографии, в том числе ту самую 1957 года, на которой они так нежны друг с другом, вероятно, не подозревая, что за ними следит камера, я чувствовала особенную, почти заговорщицкую близость людей, находящихся на одной волне. Между ними происходило что-то глубоко прекрасное и подлинное, и, притом что у каждого были свои сильные стороны, свои промахи, оба были равноправными и взрывными, в их отношениях царил взаимопонимание. В своей безусловной и беззаветной любви они были очень погружены друг в друга.

Как-то раз Джеки назвала себя аутсайдером. В определенном смысле она действительно была непохожа на других, стояла особняком. Мне нравится, что она читала запоем и все подряд. Она любила и богословские книги Рейнхольда Нибура, и романы ирландской писательницы Эдны О'Брайен. Она помнила наизусть целые строфы из «Улисса» Теннисона и поглощала поэтические сборники, чтобы найти подходящие цитаты для речей Джека.

Она часто прямо заявляла, что не любит, когда в книгах упоминается ее имя. Будучи книжным редактором, она стара-

лась не фигурировать в списке благодарностей, где перечисляются работавшие над изданием люди. Мне это показалось занятным и позволило посмотреть свежим и неожиданным взглядом на ее характер, на сложные отношения с властью. Эта женщина стала частью мифа, но на определенном жизненном этапе решила сама формировать и корректировать этот миф, находясь прямо внутри него. Интересно, как любовь к искусству, литературе и созданию историй пробудила в ней стремление воплотить искусство и миф в собственной жизни.

В этом романе мне хотелось показать столкновение двух начал: личности-субъекта, восприимчивой и тонко чувствующей, и личности-объекта, постоянно находящейся у всех на виду и обсуждаемой. Я стремилась передать возникающий из-за этого внутренний конфликт Джеки, ее работу над собой, попытку преодолеть разлом, примирить свои натуру и подлинные желания с тем, что хочет от нее внешний мир. Джеки ясно давала понять, что целью затеянной ею реставрации Белого дома стало восстановление гармонии — красоты и достоинства, — которая должна была отразить прошлые и будущие идеалы нации, а не ее точное историческое прошлое. Подобного же рода реконструкцию я стремилась провести, трудясь над биографией моей героини.

В своем произведении я вдохновлялась отдельными фразами Джеки, фрагментами ее речей и записей, найденными в открытых источниках. Этот материал лег в основу диалогов действующих лиц и размышлений героини. Я старалась передать ее характер, голос, мысли, ее беседы с родными, друзьями, знакомыми. Как часто бывает в исторических романах, я использовала случаи из жизни и фразы, которые уже появлялись в биографиях, фрагменты из интервью, выступлений и иных публикаций. Случается, что подлинные слова Джеки, взятые из документов, перекликаются с додуманными. Изредка могут попадаться отдельные фразы из других источ-

ников. Вот пример (впрочем, не единственный): я заимствовала две строчки из ее заявки на участие в конкурсе журнала Vogue на право стажироваться в Париже. Диалоги во второй и третьей части взяты из статей Нормана Мейлера о Джеке и Джеки, а в четвертой части — из интервью Теодора Уайта, Артура Шлезингера, Уильяма Манчестера и из материалов Комиссии Уоррена. Фразы из диалога Жаклин и Клинта Хилла о Далласе в третьей части, а также некоторые сцены из третьей и четвертой части книги я писала, вдохновляясь трогательными мемуарами Клинта Хилла «Миссис Кеннеди и я». В них хорошо видно, какой заботливой и деликатной была Джеки со своими близкими. Я подробно исследовала свидетельства людей, лично знавших ее, понимавших ее сложный характер и тончайшие движения души, ценивших ее ум, образованность, хрупкость. Я бережно собирала все то, что делает изображенного в романе человека живым и реальным, чтобы наделить этими чертами ее портрет и отразить их как бы изнутри. Я привела лишь несколько примеров того, как перерабатывала документальные материалы в своем творческом процессе. Повторю, что все использованные источники я перечислила в конце книги в разделе «Источники». Однако сам факт, что я опираюсь на исторические свидетельства и упоминаю реальные события, не меняет сути этой книги. Она остается именно художественным произведением.

О Джеки написано множество замечательных и глубоких документальных книг. И все же мне кажется, что роман придает известной личности другое измерение, представляет собой иную правду, задает особый эмпирический контекст, позволяющий воспринять эмоциональную сторону происходящих событий. В конце концов, свидетельства очевидцев и труды ученых — это тоже интерпретации, основанные на подборе и компоновке фактов. Что-то подчеркнуто, а что-то остается в тени. Изучение того или иного героя — не статичный, а раз-

вивающийся процесс, который никогда не заканчивается. Истина — это калейдоскоп, постоянно меняющийся в зависимости от угла зрения, появляющихся данных, неожиданных подходов к теме. Женщины редко оказывались в центре исторического повествования. Художественное произведение позволяет уйти от поверхностных оценок того, что кажется известным и знакомым, и по-новому взглянуть на человека, эпоху и на жизнь в целом.

Джеки

Опасно пережить конец собственного мифа.

ЭНН КАРСОН

22 НОЯБРЯ 1963 ГОДА

Ей скажут, что нет сердцебиения, дыхания, пульса.

В холле, где она сидит, веет ледяным холодом — белая плитка на стенах, черный линолеум на полу. Клинт стоит рядом с ней, на расстоянии, достаточном для того, чтобы понимать друг друга без слов. Остальные неуверенно топчутся, сбившись в отдельные группы. Взволнованные приглушенные голоса, опущенные головы. Кто-то выходит, кто-то возвращается. Через толпу протискивается медсестра.

Три с половиной секунды — вот как быстро все случилось, — буквально несколько мгновений между первой пулей, просвистевшей мимо машины, и второй, попавшей в цель.

Если бы она посмотрела тогда вправо!

Если бы с первого раза поняла, что это за звук!

Если бы мысленно не сетовала на жару, сухость в глазах, на то, как их неудачно бросило друг к другу, когда автомобиль поворачивал, как сблизилась их руки и расплылись черты лица.

Если бы она не думала о том, как ей хочется снова надеть солнечные очки, и о том, почему он всегда настаивал, чтобы она их сняла: «Джеки, это для того, чтобы тебя могли рассмотреть. Позволить другим увидеть тебя». Она слишком

сосредоточилась на всем этом, прикидывала, как бы улизнуть от адской жары, спрятавшись в обещавшем прохладу туннеле впереди...

Она махнула рукой, и солнечный блик ярко сверкнул на браслете.

На сиденье между ними лежали розы, они начали соскальзывать на пол, а она пыталась придержать их рукой, чтобы они не упали.

Потом эти розы не выходили у нее из памяти — лепестки, обгаренные его кровью, сломанные под ее коленями стебли. Три раза в тот день на пути в Даллас кто-то вручал ей цветы, причем всякий раз желтые. Теперь они стали красными.

Впоследствии она будет повторять это снова и снова. Каждый раз, когда ее будут просить рассказать о тех часах, и даже без всякой просьбы, она будет говорить об этом. Слова еще не оформились в ее сознании, но потом она будет описывать темную радужную влагу, которой напитались розы, сломанные и раздавленные в ненавистном белом зное, когда она инстинктивно подскочила, чтобы схватить оторванный выстрелом фрагмент его черепа.

Иногда (все это будет позже) она будет спрашивать у Бобби, как могло случиться, что в те несколько секунд ее мозг уловил так много деталей, но при этом так мало удержалось в памяти.

Его убили из-за того закона.

Она это знала.

Закона о гражданских правах, который он хотел принять.
Вот за что его убили.

•••

В то утро, когда они покинули Белый дом, — в четверг, всего за день до страшных событий, — Джек был безмятежен. Он сказал, что впервые за много лет спина болит не так сильно. «И что же мы будем делать, если застрянем на ферме у Линдона?» — спросила она. Кеннет в это время укладывал ей волосы. Джек зашел в комнату и стоял сзади и немного в стороне. Он встретился с ней взглядом в зеркале и пожал плечами.

— Будем кататься на лошадях, — ответил он.

Перед тем как выйти из комнаты, Джек протянул ей документ. «Если хочешь знать, чем я живу, прочти это».

— Это для Техаса?

— Нет, я просил Нойштадта изучить тот ракетный кризис и набросать отчет, чтобы понять, в какой момент все пошло наперекосяк.

Она бросила взгляд на бумагу. «“Скайболт” и Нассау. Формирование американской политики и англо-американских отношений». Сверху и снизу слева было напечатано: «Совершенно секретно».

Он стоял посреди комнаты, будто чего-то ждал.

— Я прочитаю, — сказала Джеки.

Он тронул карман пиджака, пальцы пробежались по темно-синей ткани.

— Я также собираюсь передать экземпляр Макмиллану, — произнес Джек. — Во всяком случае, подумываю об этом. Почему бы тебе не взять документ с собой — потом посмотришь и скажешь, стоит ли.

— Конечно, — ответила она.

Он, вроде бы удовлетворившись, вышел.

Но ее мысли были заняты речью, которую ей предстояло произнести по-испански на встрече с латиноамериканцами в Хьюстоне. Джеки положила отчет в стопку вещей, которые собрала в последний момент.

Однажды, несколько лет назад, ты уехал с вечеринки с другой женщиной. Блондинка в серебристом платье, в котором ее тело сияло лунным светом. Мы были женаты не первый год, но такое случилось впервые. Мне казалось, будто я смотрю на себя откуда-то со стороны и вижу, как ты уходишь с ней, а все в зале поворачиваются ко мне. Я попыталась изобразить пустой, ничего не выражающий взгляд — такое лицо бывает у жен, которые все понимают и которым все равно.

•••

Она сидит на металлическом складном стуле в коридоре больницы Паркленд и курит. Внутри нее холод и тишина, хотя все вокруг суетятся: топот ног, голоса, ужасный больничный запах.

Она думает, куда делось ее пальто, а потом понимает: оно на ней. Опускает взгляд на колени, на юбку... Лучше бы не смотрела туда!

Поворачивает голову назад и глядит сквозь людской поток на противоположную стену.

«Миссис Кеннеди, может, сходим в уборную и поможем вам умыться?»

«Миссис Кеннеди, мы привезли вам вещи, чтобы вы могли переодеться».

Все постоянно что-то твердят.

Двери первого травматологического отделения открываются, и в коридоре все стихает. Она поворачивается к вышедшему врачу и читает на его лице то, что и так знала, — по-другому и быть не могло при всем желании. Она встает, как будто

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru